

Цзи Сюэмянь нахмурился и несильно хлопнул Дуань Цичи по плечу:

— Уступи дорогу.

Дуань Цичи стерпел удар и крепко перехватил его за запястье:

— Не стоит чуть что сразу распускать руки.

Воротник одежды Цзи Сюэмяня то и дело приоткрывался, обнажая цепочку расплывчатых красных следов, змеящихся по его изящной, тонкой шее. Жар, исходивший от него, был обжигающим — полная противоположность его обычному холодному и надменному облику.

Оскалив белоснежные зубы, Дуань Цичи хитро улыбнулся:

— Куда ты собрался? Я пойду с тобой.

Взгляд Цзи Сюэмяня потемнел:

— Регенту не пристало подражать повадкам мудрого князя. Куда я направляюсь — вас не касается.

Дуань Цичи кивнул, произнес короткое хорошо, а затем его рука неожиданно скользнула к пояснице Цзи Сюэмяня. Тот вздрогнул, ощутив глубоко под ребрами странный звук, будто сталкивались драгоценные камни. Что-то вязкое и тягучее перекатывалось внутри, теснясь и не желая выбираться наружу.

Эта невыносимая пытка заставила глаза Цзи Сюэмяня увлажниться, он вцепился обеими руками в плечи Дуань Цичи:

— Не... не трогай.

Дуань Цичи нарочно поддразнил его:

— Ты так и собираешься уйти из моего лагеря, нося внутри эти круглые нефритовые бусины? — Он на секунду задумался. — Впрочем, уходи, если хочешь. Но сначала верни мне мое нефритовое кольцо.

Цзи Сюэмянь отвернулся:

— Я верну.

Дуань Цичи притворно изобразил холодность и покачал головой:

— Хотя, пожалуй, нет. Я сейчас слишком занят, мне нужно найти кое-кого в городе Тяньхуа, так что тебе придется потерпеть.

Цзи Сюэмянь, не сомкнувший за ночь глаз и совершенно измотанный, выглядел не лучшим образом: губы побелели, но под кожей проступил слабый, едва заметный румянец. Хоть Дуань Цичи и хотел продолжить насмехаться, сердце его не выдержало.

Он накрутил на палец две прядки волос, упавшие на лоб Цзи Сюэмяня, и, поглаживая прохладные шелковистые пряди, коснулся ими плотно сжатых тонких губ. Голос его стал ниже, почти убаюкивающим:

— Только если поедешь со мной.

От прикосновения пальцев Дуань Цичи губы Цзи Сюэмяня чуть согрелись и порозовели. Цзи Сюэмянь чувствовал, что его загнали в угол. Он хотел найти Пан Ина, но не знал, где тот скрывается. Он помнил слова Лань Шэня о том, что лес, в котором прячется Императорская гвардия, находится недалеко от города Тяньхуа, — возможно, там ему удастся встретиться с Пан Ином. А поскольку Дуань Цичи не знал, как тот выглядит, проблем возникнуть не должно. Что же касается Лань Шэня, то его придется взять с собой — Цзи Сюэмянь не мог оставить его в лагере: стоило Лань Шэню исчезнуть из поля зрения, как он начинал бояться, что тот погибнет.

Поразмыслив, Цзи Сюэмянь промолчал, лишь поднял взгляд, встретившись с насмешливыми глазами Дуань Цичи. В этих врожденно-влюбчивых глазах-персиках таилась хитрость, не уступающая демонической, и один лишь взгляд заставил Цзи Сюэмяня вздрогнуть.

Дуань Цичи обладал внешностью, о которой грезил и мужчины, и женщины Столицы, и даже после долгих лет пребывания в Наньцзяне у него оставались преданные поклонники. Высокий и статный, с благородной осанкой, с черными волосами, струящимися до самой поясницы, словно роскошный шелк, он небрежно стоял посреди палящего зноя на плацу, казалось, готовый раствориться в раскаленном воздухе. В Дуань Цичи была ключом жизненная сила; он был полон амбиций и не остановился бы ни перед чем.

Цзи Сюэмянь опустил ресницы, и его голос, холодный, как горный ручей, прозвучал безупречно:

— Хорошо, я поеду с тобой.

Дуань Цичи тут же посерьезнел и улыбнулся:

— Пойдем, вернемся в мой шатер. Тихо, чтобы никто не увидел.

Увидел? Дуань Цичи, напротив, жаждал, чтобы все видели. Пусть палящее солнце растопит этот снег, пусть Цзи Сюэмянь превратится в воду, которую можно запереть в глубине дворца, чтобы дни и ночи напролет делить с ним одно ложе. Раз уж тело его так слабо, зачем себя утруждать? Не лучше ли просто быть холеным наложником?

Разумеется, Дуань Цичи лишь мимолетно подумал об этом. Но по взгляду Цзи Сюэмяня стало ясно: тот уже прочел его мысли, увидел в глубине этих глаз безумное желание поглотить его

целиком. Цзи Сюэмянь же считал, что регенту самое место в темнице, чтобы покаяться в попытке узурпировать трон и занять зал, предназначенный не для него, — вот что было бы правильно. Впрочем, убивать его он пока не собирался.

Цзи Сюэмянь решил уйти первым, оставив позади себя лишь холодный, прямой силуэт.

Дуань Цичи вспомнилось лицо Цзи Сюэмяня: белоснежные щеки, черные пряди, обвившие пальцы, изысканные черты, напоминающие нефритовую резьбу и благоухающую лилию в глубине горной долины. Он потерял кончики пальцев, словно все еще чувствуя то тепло. Тихо рассмеявшись, он, заложив руки за спину, зашагал следом.

Солдаты упражнялись на плацу, в лагере было пусто, лишь кое-где встречались бойцы, отдыхающие на солнце с травинками в зубах. Услышав шаги, они поспешно вскочили, поправляя одежду, и склонились перед приближающимися:

— Ваше Высочество, господин Цзи, сейчас время обеденного перерыва, мы...

Все знали, что Дуань Цичи славится железной дисциплиной и не терпит лени, но разве люди могут не уставать?

Линь Юань вышел вперед, чтобы сгладить ситуацию:

— Ваше Высочество, они только что поели, пусть немного отдохнут?

Дуань Цичи не стал спорить, лишь слегка кивнул:

— Нельзя же загонять людей, как скот. Пусть отдыхают. Линь Юань, не уходи, приведи себя в порядок и готовься: скоро мы едем в город. Лагерь останется на заместителей, на плацу присмотрит Шэнь Цзин. А что касается инспектора Янь Мина, позаботься о нем как следует.

Линь Юань кивнул:

— Слушаюсь, Ваше Высочество. Господин Янь сейчас варит отвар на кухне, просил не беспокоить. Господин Цзи тоже едет в город? Сколько лошадей подготовить? И сможет ли господин ехать верхом?

Его слова были прозрачным намеком. Цзи Сюэмянь нахмурился, в его взгляде блеснула холодная сталь:

— Сколько человек, столько и лошадей. Неужели так сложно сосчитать?

Линь Юань, получив нагоняй, испуганно опустил голову, думая про себя, как же достается его господину: ведь Цзи Сюэмянь — человек, который смеет отчитывать даже Императора, ни перед кем не преклоняется, а уж с упрямым характером его господина...

Линь Юань поспешно ответил:

— Я... я понял, сейчас все сделаю.

Цзи Сюэмянь добавил:

— И Лань Шэня позови, он едет с нами.

Дуань Цичи, глядя на то, как суетливо удаляется Линь Юань, прыснул со смеху. Когда еще увидишь его таким остолопом? Тот, кто бесстрашно шел в бой, держа в руках тяжелое копье, теперь не смел и слова сказать поперек Цзи Сюэмяня — позор какой.

Цзи Сюэмянь не стал на него смотреть и нетерпеливо спросил:

— Что вас так смешит, Ваше Высочество? Не пора ли зайти в шатер?

Дуань Цичи перестал улыбаться, приподнял полог и пропустил Цзи Сюэмяня внутрь. Снова оказавшись в этом шатре, Цзи Сюэмянь почувствовал, как к горлу подкатывает волнение. Он потерял виски, чувствуя себя скованно. Его темные, словно чернила, глаза опустились, а переносицу он продолжал тереть до красноты. Цзи Сюэмянь никогда не сталкивался с подобным: раньше он только читал, писал, упражнялся с мечом, наставлял юного императора, а теперь...

Его взгляд, острый, как молния, метнулся к Дуань Цичи. Тот, пребывая в отличном настроении, сел к столу и, попивая прохладный чай, не сводил с Цзи Сюэмяня пристального, жгучего взгляда поверх края чашки. Медленно подняв голову, он сделал глоток, его кадык дернулся. Взглядом хищника он выжидательно следил за Цзи Сюэмянем.

Цзи Сюэмянь тяжело вздохнул. Как просить об этом Дуань Цичи? Ведь тот непременно воспользуется случаем, чтобы поиздеваться над ним. У Цзи Сюэмяня разболелась голова, он не мог ни сесть, ни уйти, застыв на месте, словно каменное изваяние.

Дуань Цичи поднялся. Когда он приблизился, Цзи Сюэмянь едва сдержал желание выбежать из шатра. Воспользовавшись моментом, Дуань Цичи усадил его к себе на колени и потянулся к поясу:

— Если господин не хочет подойти, я сам приду к господину.

Дуань Цичи казался невозмутимым, но дыхание его стало тяжелым. Цзи Сюэмянь впервые не стал отчитывать его за непристойное поведение, опустив голову, спрятав порозовевшие уши. Его плечи дрожали, а руки, сцепленные за спиной Дуань Цичи, опирались о его колени, скрывая вспыхнувшее лицо в тени волос.

— Сделай... сделай скорее...

На полпути Дуань Цичи остановился, помедлил несколько мгновений и вдруг улыбнулся:

— Сюэмянь, если бы ты всегда был таким послушным.

Услышав это, Цзи Сюэмянь встрепенулся. Что это вообще значит? Регент и глава секретариата, Императорский Наставник — люди, чьи имена должны сиять чистотой, в уединении предавались таким постыдным вещам.

Тонкая шея Цзи Сюэмяня залилась краской, он высвободил руки и, позволив горячим ладоням Дуань Цичи обхватить свою поясницу, вцепился в его плечи.

— Перестань, — голос Цзи Сюэмяня дрогнул.

Дуань Цичи поднял его пальцы к губам, слегка покусывая и причмокивая, пока они не стали алыми. Один, второй — Цзи Сюэмянь чувствовал, как его пальцы будто горят. Тонкие, изящные руки, на которых отчетливо виднелись синеватые вены, прохладные на ощупь — тело больного человека.

Он действительно был болен, истощен, и Дуань Цичи подумал, что стоит показать его знакомому целителю из Тяньхуа.

Цзи Сюэмянь никогда в жизни не чувствовал себя так униженно. Дуань Цичи, не торопясь, осыпал поцелуями его кончики пальцев, ладони, запястья, предплечья. Только когда Цзи Сюэмянь задрожал всем телом, он склонил голову и лениво объяснил:

— Быстро не получится, я жду, когда ты попросишь.

Цзи Сюэмянь прекрасно понял:

— О чем попросить?

Рука Дуань Цичи уже скользнула под тонкую одежду, на лице сияла широкая улыбка:

— Догадайся.

Цзи Сюэмянь отказался:

— Не буду.

У Дуань Цичи был свой способ добиться желаемого:

— Тогда не достану, так и будешь носить внутри.

Ситуация зашла в тупик, время тянулось мучительно медленно. Цзи Сюэмяню казалось, что

эти предметы вот-вот достигнут желудка, вызывая удушье — ни туда, ни сюда, невыносимая пытка, способная свести с ума. Неужели он просто хочет, чтобы тот проявил покорность? Все равно никто не увидит, так что... будь что будет!

Цзи Сюэмянь прикусил губу, собравшись с духом, и, перебрав в голове несколько вариантов, выбрал тот, который сорвался с губ легче всего.

Он прошептал тихую мольбу:

— ...Девятый господин, прошу.

Дуань Цичи, ожидавший, что он назовет его братом А-Чи, остолбенел. А затем его тело стало еще горячее. Как же так? В постели он умолял звать его братом, а здесь, вне постели — Девятый господин. Этот титул, произнесенный ледяным и отстраненным Цзи Сюэмянем, вдруг показался ему чем-то совершенно непристойным. Цзи Сюэмянь и впрямь умел удивлять.

Дуань Цичи, окончательно сбитый с толку этой невольной развратностью, выдохнул:

— Оказывается, ты вовсе не книжный червь.

Цзи Сюэмянь же был далек от подобных игр, он просто сказал это, чтобы поскорее отделаться и вытащить проклятые бусины. Дуань Цичи, теперь смирный как никогда, больше не мог найти причин для мучений. Сосредоточившись, он с некоторым трудом извлек все семь нефритовых шариков. Во время процесса он слегка похлопал Цзи Сюэмяня:

— Не напрягайся.

Цзи Сюэмянь терпел, чувствуя, как даже уголки его глаз налились кровью от стыда.

Дуань Цичи сжал семь бусин в ладони, перекатывая их, и честно признался:

— Сылин, ты такой горячий.

Цзи Сюэмянь закрыл глаза, скрывая туманную пелену, и даже его голос звучал так, будто он был пропитан невыносимым позором:

— Мы можем выдвигаться?

Дуань Цичи небрежно взял кусок ткани, вытер руки и нефритовые шарики, а затем расслабленно ответил:

— Не спеши. Янь Мин варит лекарство, выпьешь его перед дорогой.

Цзи Сюэмянь не проронил ни слова, вскочил и, обойдя Дуань Цичи, начал дрожащими пальцами приводить одежду в порядок.

Сзади Дуань Цичи протер свое нефритовое кольцо, надел его обратно на большой палец, повертел и, вспомнив что-то, добавил, совершенно не боясь навлечь на себя гнев:

— Оказывается, какими бы холодными ни были люди, там они всегда горячие.

<http://bllate.org/book/21919/2277353>